

У Эрбай покачал головой:

— Слишком поздно, неудобно.

Он отступил на шаг:

— Ешь пока горячее, я пошел.

Инь Наньфэн проводила взглядом его фигуру, растворившуюся в ночной темноте, и только после этого закрыла окно. От вонтонов в пароварке исходил умопомрачительный аромат. Она попробовала один — начинка оказалась с креветками, её любимая.

Тин Ну улыбнулась:

— Второй господин У и впрямь человек внимательный, раз на ночь глядя специально привез ночной перекус.

Инь Наньфэн опустила голову и принялась за вонтоны, а её губы сами собой тронула улыбка.

В последний день года по лунному календарю У Эрбай пригласил Инь Наньфэн в Сишань полюбоваться цветущими сливами. Сливовая роща казалась бескрайним морем, где переплетались красные и белые цветы, а в воздухе витал тонкий, еле уловимый аромат.

Они шли вдвоем по узкой тропинке, и подошвы их обуви хрустели по снегу.

— Какие планы после наступления нового года? — спросил У Эрбай.

— Буду управлять отелем, как обычно, — Инь Наньфэн сорвала ветку красной сливы и принялась вертеть её в пальцах. — А Второй господин У?

— Хочу расширить бизнес, да нет надежного партнера.

Инь Наньфэн приподняла бровь:

— Ищешь меня?

— Разве найдется кто-то более подходящий, чем хозяйка Инь? — У Эрбай остановился и посмотрел на неё. — И дело не только в деловом партнерстве.

— А в чем же еще? — Инь Наньфэн крепче сжала в пальцах сливовую ветку.

— В жизненном. Хотел бы попросить хозяйку Инь из года в год составлять мне компанию для любования сливами.

Аромат слив был прохладным, а его взгляд — теплым. Инь Наньфэн опустила глаза и увидела, как их тени, слившись воедино, отражаются на белом снегу — близкие, неразлучные.

— А если я откажусь?

— Тогда из года в год, в положенный срок будут распускаться сливы, а я буду молча ждать твоего доброго ответа.

Инь Наньфэн тихонько рассмеялась и засунула сорванную ветку сливы ему за отворот одежды:

— Что ж... давай для начала попробуем.

В карете на обратном пути Инь Наньфэн сморил сон, и она задремала, прислонившись к стенке. Проснувшись, она обнаружила, что её голова покоится на плече У Эрбая, а в носу застрял легкий, едва уловимый аромат его книг и туши.

Она в испуге выпрямилась, но У Эрбай с совершенно невозмутимым видом поправил и снова накинул ей на плечи сползший плащ.

— Еще рано, поспи еще немного.

Инь Наньфэн покачала головой, её уши слегка покраснели. У Эрбай улыбнулся и непринужденно взял её за руку.

Её ладонь была чуть прохладной, а его — теплой. Инь Наньфэн попыталась высвободить руку, но не смогла и в конце концов оставила всё как есть.

За окном кареты кружились снежинки, а внутри было тепло и уютно.

Перед тем как Инь Наньфэн вышла из кареты у Отеля «Синьюэ», У Эрбай протянул ей продолговатую шкатулку, обтянутую парчой.

— Новогодний подарок.

Инь Наньфэн открыла её: внутри лежала шпилька из бараньего жира-нефрита, а её навершие было вырезано в форме цветка османтуса — точь-в-точь под стать её прежним серьгам.

— Это...

— В тот день я заметил, как красиво ты носила те серьги, и стал искать к ним подходящую шпильку, — улыбнулся У Эрбай. — Подумал, тебе понравится.

Инь Наньфэн коснулась нефритовой шпильки — та была приятно теплой на ощупь.

— Придешь завтра после полудня попить чаю?

В глазах У Эрбая мелькнула искра:

— С удовольствием.

Инь Наньфэн уже повернулась, чтобы уйти, но вдруг обернулась, и её взгляд маняще скользнул по нему:

— Ну всё, решено. Если завтра опоздаешь, я вылью весь этот отменный чай на куст османтуса.

— Договорились, — улыбка У Эрбая стала еще шире. — С чего бы это османтусу доставалось даром.

Инь Наньфэн кивнула, прижала к груди парчовую шкатулку и быстрым шагом вошла внутрь, легкая и порхающая, словно бабочка.

Тин Ну встретила её в прихожей и, заметив сияющее лицо хозяйки, с улыбкой спросила:

— У госпожи сегодня прекрасное настроение?

Инь Наньфэн бережно спрятала нефритовую шпильку:

— Завтра после полудня приготовь чай, нужен лучший Юньу.

— Будут гости?

— Угу, — уголки губ Инь Наньфэн изогнулись. — Очень важный гость.

Поздней ночью Инь Наньфэн при свете лампы рассматривала нефритовую шпильку: нефрит сиял мягким блеском, а резьба поражала своей утонченностью. Она вспомнила, как днем У Эрбай с такой нежностью заправлял ей ветку сливы в одежды, и её губы сами собой тронула улыбка.

А в кабинете Поместья У Эрбай замер перед лежащей на столе веткой красной сливы,

погруженный в задумчивость. От цветов исходил легкий, волнующий аромат, и он, взяв кисть, вывел на рисовой бумаге:

«Снег и сливы друг друга стоят, но им не сравниться с моей возлюбленной».

За окном струился лунный свет, отражаясь от снежных сугробов и наполняя теплом эту зимнюю ночную тишь.

<http://bllate.org/book/20906/2113468>